

Семён Вольперт

Рок

Посвящается Джону Кармаку и Годфри Реджио

Он сидел на земле, прислонившись спиной к невысокому камню, и курил сигарету. Его автомат лежал на земле, справа от него. Сигарета, которую он курил, была из пачки, найденную им в кармане куртки. Он курил и слушал тишину.

Минуты тишины, подобные этой, бывали у него редко, и он старался использовать их полностью, напиться ими, наполнить тишиной себя и позволить ей вытеснить всё остальное. Его глаза были полузакрыты. Он раз за разом затягивался дымом сигареты и слушал тишину, безмолвно созерцая раскинувшуюся перед ним бескрайнюю степь.

Едва слышный звук, сообщил ему, что время отдыха истекло. Звук был на грани слышимости, но он всё равно услышал его. Он научился, вынужден был научиться слышать этот неуловимый звук за время своей жизни.

Этот звук всегда означал приближение неприятностей.

Он уронил сигарету и поднял с земли автомат. Он встал, чувствуя лёгкий укол страха. Он судорожно вздохнул. Вставил рожок в автомат. Передернул затвор.

Вдалеке появилось облако пыли. Облако пыли быстро приближалось. Он ждал, чувствуя, как потеют его руки. Вскоре в облаке пыли стали видны силуэты. Немного погодя уже можно было различить глухой рев моторов. Он ждал. Через некоторое время стало отчетливо видно, что к нему приближается группа мотоциклов с колясками; сидящие на них люди были необычайно уродливыми. Иного он, конечно же, не ожидал. Он сглотнул. Его страх исчез, ушел в подсознание, оставив после себя странное чувство пустоты.

Он был готов.

Он поднял автомат к бедру и навёл его на приближающихся людей. Мотоциклы были уже на расстоянии нескольких десятков метров. Человек, сидящий в коляске переднего мотоцикла, указал на него рукой и хрипло выкрикнул какой-то приказ. Ответом ему был рёв остальных членов группы, развеявший последние иллюзии. Он нажал на курок. Автомат застрочил, выплевывая гильзы. Грохот выстрелов смешался с яростными криками приближающихся. Некоторые из них упали. Один из мотоциклов перевернулся. Он сменил обойму, и пошел вперед, продолжая стрелять. Его окружили, потрясая оружием. Он шагнул в сторону и развернулся, двигаясь полукругом, продолжая поливать нападающих пулями. Он вновь сменил обойму.

Наконец, крики затихли. Последний мотоцикл пророкотал в последний раз и заглох. Он опустил автомат и вытер пот с лица. Проверил патроны. Затем,

повесил автомат на плечо, и зашагал к ближайшему мотоциклу. Медленно и методично он проверил все трупы, собирая всё оружие и боеприпасы. Напоследок, он скинул с одного из мотоциклов его предыдущих хозяев и сел на него сам. Мотор мотоцикла взревел. Бак был полон на три четверти. Он поехал вперед, набирая скорость.

Этот способ существования был для него нормой. Он никогда не жил иначе. Сколько он себя помнил, он всегда сражался, всегда вёл бой, всегда убивал, убивал просто для того, чтобы не быть убитым самому.

Метким выстрелом от плеча он сбил пролетавшего над ним скаута. Ещё несколькими он уничтожил двух разведчиков, окопавшихся в укрытиях на его пути. Бензин в мотоцикле закончился. Он бросил мотоцикл, собрал и взгромоздил на себя всё, что могло быть полезным, и пошел дальше пешком. Он не знал точно куда идет. Это не имело значения. Он просто шёл, шёл потому, что должен был идти. Он никогда не поворачивал назад. В этом не было смысла. Идти можно было только вперед.

Вперед он и шёл.

Раздался рёв и над ним пролетел глайдер, поливая его пулями. Он нырнул в сторону и укрылся в кустах. Глайдер сделал круг и завис в воздухе. С глайдера упали веревки и по ним стали спускаться люди в военной форме. Он наблюдал за их спуском, держа группу на прицеле. Когда боевики спустились на половину расстояния до земли, он дал очередь, и тут же перебежал на несколько метров в сторону. Один из боевиков свалился на землю, другой повис на верёвке, остальные же принялись стрелять в сторону его предыдущего укрытия. Он продолжал стрелять, меняя положение, до тех пор, пока последний из боевиков не упал, затем заменил обойму в автомате на разрывные пули, навел ствол на глайдер и выжал курок до упора. Пули забарабанили по корпусу глайдера, пробивая обшивку, вырывая куски металла. Ему пришлось сменить четыре обоймы, прежде чем глайдер потерял управление, спикировал, врезался в землю и взорвался.

Он повесил автомат на плечо и обследовал обломки. Всё найденное оружие он забрал с собой. Он сделал глоток из фляги. Затем повернулся и пошел дальше.

Равнина кончилась и он вступил в лес. Здесь стояла мрачная тишина, тишина, не предвещающая ничего хорошего. Он вновь приготовил автомат и двинулся вперед, готовый стрелять по первому же подозрительному шуму. Слева от него хрустнула ветка. Он прыгнул вперед, развернулся и выстрелил еще в воздухе. Упавшее тело вызвал цепную реакцию. Со всех сторон на него ринулись изуродованные фигуры, напоминающие людей только отдаленно. Он прыгнул и принялся расстреливать нападающих, медленно продвигаясь вперед. Он стрелял, стрелял и стрелял, и вокруг него падали трупы. Он перезаряжал оружие и продолжал стрелять. Он подбирал обоймы с трупов, валяющихся вокруг, заряжал, стрелял и шёл вперед. Он шёл вперед, и за ним оставалась дорожка из трупов.

Он не боялся смерти, так как умирал уже не один раз. Ища смерти, он бросался в самую гущу врагов. Он взрывал термитные гранаты не выпуская их из рук. Он обрушивал военную базу не покидая подвала и был погребён под обломками. Он

прыгал со скал и обрывов. Он бросался на диких зверей и монстров, будучи вооружён лишь ножом. Он приводил самолеты, начиненные взрывчаткой к вражеским командным центрам и аэродромам и врезался в них. Он умирал — и каждый раз возрождался, чтобы снова идти в бой.

Враги сменились; теперь это были ловкие твари, выпрыгивающие из-за деревьев и кустов. Он сменил автомат на два пистолета и получил возможность стрелять сразу в двух направлениях. Он стрелял, стрелял и стрелял, ни на минуту не прекращая идти вперед. Дважды его укусили — за бок и бедро. Он не обратил на это никакого внимания.

Он достиг старого бункера и заперся внутри, заблокировав дверь. Здесь он получил возможность перевязать раны и позаботиться об оружии. Покончив с этим, он быстро приоткрыл дверь, выбросил наружу гранату и тут же снова захлопнул дверь. Граната взорвалась. С потолка посыпалась пыль. Он вновь открыл дверь и вышел, ступая по ошметкам тел всевозможных тварей, пытавшихся пробиться в бункер и добраться до него. Прежде чем выйти на поверхность он бросил впереди себя ещё одну гранату, расчищая путь. Он вышел и пошел дальше, отстреливаясь от отдельных тварей, каким-то образом оставшихся в живых.

Так было всегда. Где бы он ни оказался, какими бы ни были окружающие его условия, между ними всегда было нечто общее. Среда, в которой он оказывался, всегда была враждебной ему. Все вокруг — и земля, и вода, и воздух, и растения, и животные, и местное население — всё это было враждебно ему и искало способа уничтожить его, как если бы всем вокруг управляла чья-то злая воля. Он никогда не видел доказательств этому, и не знал, есть ли в этом хотя бы доля правды.

Он вышел из леса и вступил в полосу зданий. Города были опасны по-своему: здесь было множество укрытий, из которых можно было внезапно напасть. Он вычищал города со всей тщательностью, стараясь не пропустить ни одного помещения непроверенным.

Он снова сменил оружие на автомат и принялся расстреливать изуродованных людей, бросавшихся на него с упорством зомби. У них не было огнестрельного оружия, и скоро ему пришлось перейти на одиночные выстрелы в голову. Нападавшим не было конца, и он начал чувствовать усталость. Внезапно, в одной из заброшенных комнат, он обнаружил настоящее сокровище: огнемёт! Находка придала ему сил, и он пошёл вперед, выжигая все на своем пути.

Иногда, в своих странствиях, он набредал на книги. Как правило, это была политическая пропаганда, иногда попадались технические справочники, совсем редко – обрывки истории мира, в котором он оказался. Последние он старался по возможности прочесть, забаррикадировав двери библиотеки. Там, под аккомпанемент грохота ломаемой двери, ему иногда удавалось прочесть несколько десятков страниц, прежде чем двери поддавались, и помещение заполняли яростно ревушие враги, вынуждая его снова взяться за оружие.

Бак огнемета опустел, и он бросил его, снова перейдя на пули. Пройдя несколько километров и оставив за собой горящие здания, он вышел на центральную улицу. Ветер нес пыль и мусор. Предчувствуя недоброе, он поудобнее перехватил

автомат. Он оказался прав. Раздался рокот и лязг, и на площадь выкатила бронированная машина. Пулеметы повернулись в его сторону и плюнули огнем. Он побежал, ища укрытие, подбираясь все ближе к машине, гусеницы которой крошили камни мостовой. Оказавшись на расстоянии броска, он швырнул бомбу под левую гусеницу. Гусеница наехала на бомбу. Взрыв оторвал гусеницу и разбил колеса машины, обездвижив ее. Пулеметы, продолжая стрелять, поворачивались вслед за ним, пока он не оказался рядом с машиной. Запрыгнув на башню, он распахнул люк и бросил внутрь одну из гранат. Раздался взрыв, и управлять машиной стало некому. Машина замерла.

Он оглянулся. Из другого конца улицы двигалась другая машина. Машина плюнула в него огнем, и он поспешил укрыться за толстой бронёй обездвиженной им машины. Повозившись с минуту с проводами, он активировал пушку. Он выстрелил, и взрыв снес башню другой машины. Он повернул ствол и выстрелил в здание, которое показалось ему — что за злая шутка! — похожим на здание службы охраны порядка. Порядка здесь не было, а значит, и здание было не нужно. Здание рухнуло, сложившись внутрь себя. Он снова повернул ствол и выстрелил, затем снова и снова. Взрывы обрушивали здания одно за другим. Потом снаряды закончились, и он двинулся дальше.

Он не знал своего имени. Те немногие люди, которые не пытались его убить, называли его различными именами, однако он знал, что все эти имена нарицательные, не имеющие с его настоящим именем ничего общего. И, конечно же, называли ли его «Джоном», «Полковником», «Легендой», «Морпехом», «Стрелком», «Мстителем», или даже «Судьей» или «Лекарством», хотели, требовали от него всегда одного и того же. Да, любой из миров, в которые его забрасывало, имел свою специфику и свою историю, равно как и свои собственные отличительные детали, но суть была всегда единой. У него всегда была только одна задача. Только одна миссия. Только одно дело.

Вечная война.

Он использовал гранатомёт, чтобы сбить вертолёт, стрелявший в него сверху. Следующую ракету он использовал, чтобы взорвать дверь, ведущую в центр управления, координировавший (предположительно) военные действия всей планеты. Бросив гранатомёт, он вошел внутрь, держа автомат наготове. Было неважно, кем его назначали и какие задачи ему поручали. Командовал ли он одним взводом или целой армией, вел ли он отряд на прорыв или управлял военной стратегией целой планеты, конец всегда был таким. Он шёл в логово врага один. Один, вооруженный самыми мощными средствами поражения, какие мог найти. Иногда ему казалось, что его вела чья-то невидимая рука, что его направляли, подталкивали к неизвестной ему цели. Он не знал, есть ли в этом хотя бы крупица истины, да это и не имело значения. Он шёл вперед — и этого было достаточно. Он шёл, чтобы закончить эту войну. Закончить — и начать новую? Он не знал. Его вела не надежда. Он шёл потому, что был должен, потому, что не мог не идти, потому, что война была единственным смыслом его существования.

Иногда, в минуты тишины, он размышлял о мире, в котором ему не нужно было бы воевать. Мире, где в убийствах не было нужды. Мире, где среда не была враждебной. Мире, где можно было просто полежать на траве, полежать час,

другой, не боясь, что появится враг, или что трава сожрёт тебя. Он знал, что это пустые мечты, что такого мира не существует, что где бы он ни оказался, он непременно должен будет воевать. И все же, он не мог не испытывать щемящее чувство всякий раз, когда думал об этом.

Однако, думал он об этом очень редко — слишком редкими были минуты тишины и слишком недолго они длились. Обычно, тишина длилась всего пять минут. Иногда — от десяти до пятнадцати. Однажды — и он запомнил этот случай навсегда — тишина длилась целых полчаса. Тогда у него проснулась надежда, что война окончилась и больше не вернется. Однако тишина прошла, раздался тот самый неуловимый звук, возвещавший начало новой битвы, новой бойни, и он забыл о своих мечтах и надеждах. Во время боя для них не было времени. Он знал, что до тех пор, пока он будет нужен, он будет воевать.

А нужен он будет всегда.

Одну за другой он уничтожил камеры слежения, снабжённые орудиями. Открыв дверь, он заполнил комнату свистящими пулями, уничтожая всё живое. Он шёл всё дальше и дальше, всё глубже проникая в подвалы базы. Он перебинтовал рану на плече и двинулся дальше. Следующая дверь вела в цех сборки полумеханических стражей, и он сменил автомат на два пистолета-пулемета, заряженных разрывными и бронебойными пулями. Это позволило ему уничтожать одновременно целые группы стражей; две обоймы выстреливались в течение трёх-четырёх секунд, столько же уходило на то, чтобы, укрывшись за колонной, перезарядить пистолеты-пулеметы. Он выкашивал стражей десятками, сколько бы их ни появлялось. Между делом он нашёл время на то, чтобы забросить гранату в сборочный станок. От взрыва с потолка посыпалась пыль, и станок замер навсегда. Он прошел ряд инкубаторов, в которых выводились всевозможные мутанты и монстры, имеющие только одну цель: убивать. Он разбил инкубаторы и перебил тварей, вырвавшихся на свободу. Он взорвал ещё ряд дверей и убил всех, кто находился за ними. Он шёл, сея смерть и разрушения, прокладывая путь к самому сердцу базы, где стоял центральный компьютер. С этого компьютера можно было запустить программу самоуничтожения.

Он перебил техников, спешно монтировавших турель. Патроны для пистолетов-пулеметов закончились, и он их бросил. Он остановился, чтобы забинтовать рану на бедре. Он пошел дальше, стреляя в любое движение и любой шум.

Он убил охранников и взорвал очередную дверь. В следующий момент, очередь, выпущенная сзади, прошла его насквозь. Брызнула кровь. Он захрипел, упал на колени, затем набок. Его переполняло отчаяние. Дело, с которым он сюда пришел, было не закончено. Он мучительно понял, что это конец, что он опять потерпел поражение, что он проиграл. Из его открытого рта потекла кровь. Остекленевшими глазами он смотрел на своего нагло ухмыляющегося убийцу. Он лежал, и свет медленно угасал в его глазах, а затем перед его мысленным взором вспыхнула до боли знакомая, до глубины души ненавистная ему надпись:

«GAME OVER»

Дата последнего изменения: 2021-02-13

(CC) 2008, Семён Вольперт (simon@simonvolpert.com). Некоторые права защищены.

Данная работа опубликована под лицензией [Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/). Оригинал этого файла находится по адресу: <https://simonvolpert.com/fate-ru/>

Чаевые с благодарностью принимаются по адресу
`bitcoincash:qqxzwu3z8lfs8u9akfk0a3qzds2j88rqcvcgku7l49`